

Виталий Романов

СМЕРТЬ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
БОЕВИК

Виталий Романов

Смерть особого назначения

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=264352

Виталий Романов Смерть особого назначения: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36089-5

Аннотация

Содержание

Виталий Романов

4

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Виталий Романов

Смерть особого назначения

Легкий безмоторный планер бесшумно скользнул над головами, и один из фринов поднял голову, проводил ночную «птицу» недобрым взглядом. Двое других диверсантов даже не посмотрели вверх, они продолжали внимательно наблюдать за освещенным «островком» – тем местом, куда необходимо было проникнуть группе спецназа.

В стане людей не возникло ни суеты, ни какого-то аномального движения. Не прозвучал сигнал тревоги, хотя последний из планеров чуть не испортил все дело. Трое суток по земному времяисчислению диверсионный отряд фринов накапливал силы на Саванге, готовясь атаковать хорошо обустроенный военный гарнизон неприятеля. Что и говорить, люди знали толк в войнах, у них многому можно было научиться.

Собственно, фрины и делали это, прилежно и старательно, с тех пор как потерпели первое и весьма болезненное поражение в открытой схватке двух звездных флотов. Однако человечеству тоже не мешало бы кое-чему поучиться у фринов. Например, уверенности в собственных силах. Умению стойко переносить удары, восставать из небытия, чтобы отомстить обидчику.

Диверсионная группа «Призрак» хорошо усвоила уроки, преподанные армиями и спецназом противника. За несколько лет фрины постарались перенять все лучшее, что смогла за долгие столетия накопить военная наука земной цивилизации, и теперь настало время рассчитаться с врагом за прошлые неудачи.

Вот только последний планер чуть не испортил все дело. В штабе старательно разработали операцию, казалось, просчитали и отточили каждую мелочь, так что любой солдат диверсионного отряда мог посреди ночи, поднятый по тревоге, изложить свой маневр.

Мелочи решают все: с этой истиной фрины не раз сталкивались в людских мемуарах о спецназе, но сейчас убедились в ней на собственном опыте. Трое суток они накапливали силы на границе человеческого гарнизона на Саванге – на малом корабле незаметно подкрались к планете, а потом десантировались в гигантское болото по одному, используя малошумящие безмоторные планеры, так чтобы не насторожить врага. И вот, когда все было почти готово к началу операции, последний из спецназовцев чуть не подставил отряд: не разобрался в карте местности... или просто не смог правильно сманеврировать... но его большекрылая «птица» пронеслась в опасной близости от гарнизона людей, сиявшего во тьме яркими электрическими огнями.

К счастью, враги даже не предполагали, что неподалеку от их островка благополучия, на окраине гнилого болота, на-

капливается смерть, которая вскоре отыщет слабое место в обороне и вползет на территорию военного городка. Вползет, утопит в кровавой жиже и казармы, и радары дальнего обнаружения, и батареи кинетических орудий «Вулкан-16». Те самые батареи, ради которых верховный штаб фринов замыслил диверсионную операцию – в лучших традициях людского спецназа.

...Негромко чавкнула жижа, зашипели пузырьки, тонкой струйкой поднимаясь со дна неглубокой грязевой лужи: спецназовец с последнего планера безмятежным островом, залитым светом ярких прожекторов.

– Вы приказали явиться, командир?

– Будешь наказан за ошибку, – обернувшись в сторону проштрафившегося пилота, тихо произнес лидер спецгруппы.

«Если останешься жив», – мог бы добавить он. Но не добавил. Это и так было ясно каждому. Сколько бы они ни отработывали на полигоне захват батарей, доводя все до автоматизма, любой, даже самый малоопытный боец понимал, что без жертв в такой операции не обойдется.

– Да. Разрешите занять место, командир?

Лидер отряда спецназа еще раз посмотрел на провинившегося подчиненного, чуть не сорвавшего операцию по захвату новейших кинетических орудий врага.

– В последний ряд.

Это было худшее наказание из всех. Более явно и недву-

смысленно выразить презрение к неловкому бойцу просто невозможно. Лучшие идут в первой группе, это известно каждому.

Огромные неподвижные глаза провинившегося фриана как-то странно блеснули, бледно-зеленая кожа потемнела. Однако солдат не сказал ни слова, безропотно выполнил приказ – исчез где-то позади группы, во тьме.

...Если бы в ту ночь кто-нибудь из людей выбрался погулять за территорию лагеря, оцепленного колючей проволокой, и добрал до края огромного болота, раскинувшегося позади отвоеванного у Саванга кусочка сухого пространства, то, возможно, такой гуляка умер бы не от оружия фринов, а от инфаркта. Ему стоило только увидеть одного из чужих солдат – зеленокожего, измазанного грязью гнилой топи, с непропорционально большим безволосым черепом, с огромными неподвижными глазами.

От подобного зрелища даже человек с крепкими нервами мог двинуться рассудком, не то что какая-нибудь впечатлительная особа. Все-таки в чужаках было что-то жутко неестественное по людским меркам. Неестественное и пугающее. Может, даже не в облике, а идущее изнутри. Некие внутренние волны – пси-поля, которые совершенно отличались от человеческих и от тех, что присущи дроглам.

В первой войне людей и фринов, происходившей около десяти лет назад, схлестнулись два звездных флота, но тогда людям почти не довелось повстречаться с чужаками лицом

к лицу – главные боевые действия развернулись в космосе. Незванным гостям не позволили выбросить десант на обитаемые планеты, фринов просто разгромили на подступах к колониям и прогнали далеко за пределы освоенного человечеством пространства. Лишь немногие из людей видели фринов близко – в отличие от дроглов, которых теперь можно повстречать чуть ли не на каждой обитаемой планете.

К дроглам, вставшим на сторону людей, тоже привыкли не сразу. Мало того, что взрослые гномы ростом не превышали одного метра и выходцам из Солнечной системы все время казалось, будто они общаются с детьми, так еще поначалу в диковинку были и трехпалость чужих, и абсолютно голые «кожаные» черепа, без малейших признаков растительности. Но все же к дроглам люди притерлись довольно спокойно, возможно, потому, что от коротышек исходили исключительно положительные пси-волны.

Гномы при каждом удобном случае стремились подчеркнуть, что не являются противниками людей, с более мощной технической цивилизацией враждовать не собираются и, кроме того, ждут помощи в борьбе с фринами, которые пару-тройку десятилетий назад уже принесли немало горя на планеты «кожаных малышей».

Так или иначе, но люди не чувствовали никакой опасности со стороны дроглов, как взрослый не чувствует угрозы со стороны детей, играющих в песочнице или начертивших «классы» на асфальте.

А вот фрины, в отличие от дроглов, приводили людей в ужас как жутким внешним видом, так и мрачной тяжелой энергией, которую излучал любой из представителей этой расы. Те, кто сталкивался с чужаками вплотную, лицом к лицу, потом суеверно крестились и рассказывали, что, увидав такую «зелено-трупную поганку», хочется вопить от страха, удирать прочь со всех ног...

Но, увы, никто из солдат гарнизона не вышел в ту ночь к окраине гигантского гнилого болота, в котором, по мнению дроглов, скрывались живые разумные существа – представители какой-то сверхдревней цивилизации, начавшей агонизировать еще до того, как стала закатываться звезда «кожаных» гномов.

Никто не вышел на окраину болота, и поэтому спецназ фринов растянулся вдоль колючей проволоки, старательно проверяя контрольную линию охраны. В своих военных лабораториях фрины хорошо разобрались с тем, как работают тепловые сканеры, как включаются детекторы движения. Спецназовцы, готовившиеся штурмовать гарнизон, могли справиться с любой техногенной системой врага, опасность представляли только живые существа, которые отличаются непредсказуемостью, а потому способны поднять тревогу в любой момент.

Поднять тревогу. Такое, конечно, не изменит финал операции: все в лагере погибнут. Но ведь спецназ долго и старательно готовился к захвату военного гарнизона вовсе не

ради того, чтобы перебить сотню-другую врагов.

«Вулкан-16» – новейшие кинетические орудия людей, создающие мощные метеоритные облака на пути вражеских кораблей, – вот главная задача спецгруппы Мадэна! Орудия, истинные возможности которых еще не до конца ясны фринам, орудия, использующие принцип электромагнитного разгона снарядов и способные поражать движущиеся цели в космосе. Было необходимо установить контроль хотя бы над одной такой установкой, транспортировать ученых на Саванг, чтобы они сумели разобраться в передовых системах чужого вооружения. Нашли противоядие, точно так же, как были найдены способы борьбы с лазерами, с ядерными ракетами и торпедами противника, управляемыми компьютерными навигаторами или по радио. Любое оружие, созданное человечеством, несовершенно, надо только нащупать в нем уязвимые места.

Все было отлично подготовлено ко второй галактической войне. Самонаводящиеся ядерные ракеты и торпеды больше не опасны: их компьютерные мозги легко выжигаются сверхмощными электромагнитными импульсами, после чего системы захвата объекта теряют разум, а «стальные осы» мечутся в пространстве, готовые поразить даже своих. С ракетами, управляемыми по радио, бороться ненамного сложнее – полигонные тесты новейшей установки радиоэлектронных помех внушают уверенность в том, что при следующей схватке люди окажутся слепы и глухи, их радары выйдут из

строя еще до начала боеконтакта.

Но на вооружение пограничных планет поступили кинетические орудия, и это перечеркивало все усилия фринов в тот исторический момент, когда их ударный боевой флот сосредоточился в туманности Угольный Мешок, на границе освоенного человечеством пространства...

Одна из таких батарей – под носом у Мадэна.

Командир группы спецназа отбросил неприятные мысли, сосредоточился на главном, еще раз оглядел лагерь за колючей проволокой. Да, он все правильно просчитал, здесь самое уязвимое место. Дроглов не видно, часовой на этом кусочке пространства только один, словно люди меньше всего ждут атаки со стороны огромного гнилого болота. Надеются, что враг придет по суше? Глупцы. Самоуверенные болваны. Единственный часовой, и тот еле переставляет ноги, дремлет на ходу.

Командир группы поднял вверх указательный палец, отдавая команду ликвидатору. Тот мгновенно выдвинулся вперед, уложил на кочку арбалет – бесшумное устройство, позаимствованное у людей. Фрины не хотели на первом этапе операции использовать собственное оружие, метавшее молнии. Оно, конечно, уничтожило бы врага надежнее и быстрее, но могло демаскировать готовившийся к атаке спецназ.

Зачем рисковать? В арсенале человечества множество отработанных способов борьбы с часовыми, только изучай и выбирай лучший.

Фрины долго колебались, анализируя варианты с бесшумной винтовкой и арбалетом. Пулю ядом не покроешь, потому выбрали арбалет, только снабдили его двойным лазеро-оптическим прицелом, а стальные стрелы покрыли веществом, парализующим дыхание человека... Мадэн вспомнил, как в секретной лаборатории проверяли десятки ядовитых соединений, изучая, какое из них быстрее и надежнее убивает представителей вражеской расы. Ради этих тестов корабли фринов незаметно вторгались во владения противника – с риском для жизни спецгрупп и экипажей. Взятый в плен «материал» доставлялся в лабораторию на Моранво, где ученые тщательно исследовали метаболизм людей.

Мадэн криво ощерился, припоминая, сколько длинных стальных игл пришлось ввести в тело седовласого инструктора, чтобы сломить волю человека, чтобы враг научил лучших бойцов группы «Призрак» тонкостям стрельбы из арбалета...

К войне готовились долго, кропотливо прорабатывая каждую мелочь, учитывая негативный опыт первой схватки. Десять лет по времениисчислению землян вся цивилизация фринов была одержима только одной мыслью: поквитаться. Отомстить. Поставить выскочек на место. Уничтожить их до последней особи, чтобы господство фринов во вселенной больше не оспаривалось, не подвергалось сомнению.

И вот настало время все расставить по местам.

Отравленная стрела вонзилась точно в горло часовому –

так, как отрабатывали на полигоне Моранво. Тогда провели три или четыре сотни опытов, чтобы получить верный ответ: люди теряли способность кричать и контролировать свое поведение, когда стрела перебивала им позвоночник в районе горла. Как показало сканирование, именно там проходят все нервные магистрали, связывающие тело с головным мозгом. Тяжелая металлическая стрела, перешибая кость в нужной зоне, разрывала командные связи, лишала жертву возможности к сопротивлению. Во время многочисленных тестов на полигоне это выяснили абсолютно точно. Именно тогда снайперы начали отрабатывать выстрел из арбалета в горло как лучшее средство нейтрализации часового.

Теперь все прошло без неожиданностей. Вражеский солдат не вскрикнул, не успел подать какой-либо знак. И уже не имело значения, произошло это потому, что был перебит позвоночник, или потому, что подействовал сильный яд, от которого у жертвы свело судорогой мышцы.

Дежурство по штабу тянулось невыносимо медленно и тоскливо. Старший лейтенант Мезенцев терпеть не мог такие наряды, предпочитал тащить вахты где-нибудь в стороне от начальства. Как говорится, чем дальше от командования, тем спокойнее живешь – эту истину знает любой опытный офицер. Начальство хлебом не корми, только дай устроить внеочередную проверку, а потом, докопавшись до какой-нибудь мелочи, радостно вздрючить всех, кто подвернулся под

руку.

Нет, правильный наряд – это наряд на приличном удалении от штаба. Жаль, в этот раз не удалось отвертеться, теперь вот приходится томиться, дожидаясь восьми утра, когда произойдет смена. Единственное, что немного согрело душу, – факт, что в медчасти дежурит Мариночка Ведищева, очень симпатичная голубоглазая кукла-блондиночка, неравнодушная к вниманию Мезенцева.

Старший лейтенант так и называл ее – Мариночка, – делая исключения лишь в тех случаях, когда рядом находился командир гарнизона Саванга. Или начальник штаба. Или какой-нибудь вышестоящий офицер из управления флота.

Помянув главный штаб, старший лейтенант Мезенцев суеверно перекрестился, дабы не накликать беду. Сразу вспомнился командующий пятым флотом адмирал Борисов, о котором во всех бригадах сектора слагались легенды. Этот, с позволения сказать, умник мог довести до истерики любого нормального офицера. Слава богу, планет с ракетными батареями у флота в избытке, равно как и частей ПВО, не говоря уже о линейных кораблях и крейсерах, каждый из которых, вне всяких сомнений, требовал постоянного внимания Борисова.

Его любимые фразочки: «Любой командир корабля только тогда заслуживает уважения, когда сумеет сделать жизнь подчиненных невыносимой», «Сегодня – суббота, завтра – воскресенье, чертовски хочется поработать», «Непуганый

боец предрасположен к безобразиям, это – потенциальный преступник, будущий убийца и насильник» – передавались из уст в уста, но со смехом их могли произносить лишь те, кто ни разу не попадал под тяжелую руку адмирала.

Начальнику гарнизона Саванга частенько доводилось переживать оглушительные «раздраи» во время проверок Борисова. Старший лейтенант Мезенцев даже краем уха слышал о том, что в былые годы генерал-майор Левенко дважды подавал жалобы на командующего флотом, мол, этот человек постоянно унижает достоинство офицеров. Только обе истории ничем хорошим не закончились, адмирала с должности не сняли, более того, он пообещал положить эти рапорты в гроб генерал-майору и даже «не пустить слезу над телом безвременно отошедшего в мир иной бездельника».

Старший лейтенант Мезенцев снял фуражку, нервно провел тыльной стороной ладони по лбу, хотя пота не было – просто стало не по себе, когда вспомнил об адмирале Борисове. К счастью, того сейчас не наблюдалось и близко от Саванга, командующий пятым флотом находился где-то в другой части созвездия Центавра, проверяя свои владения и, как обычно, доводя офицеров до тихой истерики.

А то ведь, окажись рядом, мог испортить восхитительную идею, как скрасить вахту... Мезенцев с трудом пережил первую половину дежурства – пока в штабе царила утомляющая дневная суэта. Лишь теперь, ближе к часу ночи, по домикам и казармам разбрелись даже самые ретивые вояки.

Штаб опустел, остались только горемыки вахтенной смены во главе с оперативным дежурным.

Мезенцев грустно вздохнул, вспомнив о том, что в этот раз приходится нести наряд вместе с подполковником Дорониным. Тот был старше чуть ли не на десяток лет, поэтому считал помощника молодым офицером, особых вольностей не позволял. Бывало, с другим коллегой Мезенцев мог и в рубке оперативного дежурного покемарить, а то и новости послушать, глядя в стереовизор... Но, увы, подобное являлось грубым нарушением Устава гарнизонной и караульной службы, а потому с Дорониным не проходило. Это могло бы состояться лишь в случае, если б вахту в рубке оперативного «ташил» кто-то из более молодых офицеров, с кем у Мезенцева существовали приятельские или равные отношения. Не срослось...

– На посту не спать! – грозно рыкнул старший лейтенант, заметив, что сержант из караульного взвода, отвечавший за доступ в штаб, закемарил.

Солдат не положил голову на стол, лишь подпер ее кулаком, но Мезенцев прекрасно знал: стоит дать немного слабину, и вахтенный не просто закроет глаза, а вырубится. Оно, конечно, ничего страшного не произойдет – железная дверь в штаб все равно заперта, открыть ее можно только изнутри, для чего, собственно, и сидит на стуле боец. Это его обязанности: разбираться, кто и зачем идет к оперативному дежурному, и лишь в случае внятных, предусмотренных инструк-

циями ответов – отпирать засовы.

– Не спать! Не спать! На губу отправлю! – с угрозой рыкнул офицер.

Не положено молодым спать на посту. Право на небольшой «расслабон» имеет лишь тот, кто давно тянет лямку. А молодой пусть несет вахту, как положено Уставом гарнизонной и караульной службы.

– Мезенцев! – вдруг донесся из рубки оперативного дежурного окрик подполковника Доронина. – Мезенцев, загляни ко мне на минуту!

– Есть! – Старший лейтенант мигом подобрался, попытался придать лицу выражение честного службиста, размышляющего не о том, как поскорее добраться до медчасти, нет, думающего лишь о прямых обязанностях.

– Прошу разрешения... – Он бодро вошел в рубку оперативного дежурного, остановился в двух шагах от пульта, за которым сидел Доронин.

– Выпусти из штаба! – приказал подполковник, мотнув головой так, чтобы старший лейтенант понял: речь шла о дрогле, также находившемся в помещении. – Выпусти, а потом, когда закончит обход, впусти обратно.

Мезенцев молча отдал честь, развернулся и первым вышел из рубки, словно показывая чужаку, кто здесь главный.

– Сержант! Выпустить! – приказал старлей.

Имени дрогла Мезенцев не помнил, да и не считал нужным запоминать. Он, хоть и служил на Саванге второй

год, так и не научился различать «гномиков». Для него все дроглы были изготовлены на копировальном аппарате: невысокие, кожистые и костистые, с подвижными лицами и лопухами ушей. Когда карлики говорили, у них так работали лицевые мышцы, что менялось все: глазные впадины становились то больше, то меньше, щель рта то уже, то шире, даже нос немного вытягивался, а уши шевелились, почище чем у слона или осла.

Поначалу, когда Мезенцев только прибыл на Саванг, его это забавляло – тогда он воспринимал дроглов как экзотических животных. Позднее мимика чужих во время диалогов стала раздражать, даже бесила, по этой причине старший лейтенант старался как можно реже контактировать с представителями иной расы. «Кожаные» гномы чувствовали его неприязнь и отвечали той же монетой, впрочем, это ничуть не беспокоило Мезенцева – он не ждал беды от них.

Говорят, раньше, пару веков назад, дроглы были очень опасны. Тогда они могли силой ментального воздействия остановить вражеский флот, если, конечно, верить сказкам. Сами дроглы уверяют, что тогда они не боялись никаких врагов, просто потому, что никто не мог приблизиться к их планетам. Мысленного импульса нескольких мощных ментатов было достаточно, чтобы вражеская армия увидела перед собой глухую непреодолимую стену.

Карлики не желали воевать, они считали более правильным внушить атакующей армии, что перед ней вообще нет

никакой планеты, которую можно захватить – лишь пустота на десятки световых лет... Однако цивилизация дроглов пришла в упадок, ныне этот вымирающий народ не способен на былые подвиги. Чужаки утратили, растеряли прежнее могущество, вот и вынуждены теперь кормиться людскими подачками. А значит, обязаны знать свое место, и нечего с этими «кожаными» гномами миндальничать!

...Выпустив заморыша из штаба, Мезенцев проконтролировал, чтоб дверь была хорошо заперта, а потом вновь прошел в рубку оперативного. Все же Мариночка томилась в медчасти, и ждать дольше уже не хватало терпения и сил.

– Прошу разрешения... – вновь сказал старший лейтенант, переступая порог рубки. – Выпустил, как приказывали, господин подполковник! Чего ему посреди ночи вздумалось гулять?! Понесла нелегкая...

– Почувствовал что-то, – отозвался Доронин. – Попросил: «Выпусти наружу, беспокойно у меня на уме...»

– Вот твари инопланетные! – выругался старлей и тут же осекся, вспомнив, что беседует не со своим приятелем. – Виноват, господин подполковник! Все-таки странные они, дроглы, правда? Человек так никогда не сказал бы... «Неспокойно у меня на уме». Бред какой-то! Человек сказал бы: «Неспокойно у меня на душе».

– У дроглов душа и ум – нечто единое, – напомнил оперативный дежурный, глянув на дисплеи, и Мезенцев – вслед за ним.

Чужак медленно двигался к тыльной стороне охраняемого периметра, к непроходимым болотам, простиравшимся за «колючкой». Дрогл ставил ноги так мягко и аккуратно, что сейчас напоминал кошку. Складывалось впечатление, будто представитель иной расы идет по тонкой-тонкой корочке льда, которая в любой момент может проломиться под ним. Глаз этой нелепой мартышки Мезенцеву видно не было – дрогл смотрел в сторону гнилой топи, – зато уши шевелились и подрагивали.

– А и черт с ним, господин подполковник! – Старший лейтенант легкомысленно махнул рукой, его мало заботило поведение дрогла. – Ум... душа... Пусть идет куда хочет. Все равно мы внутри защищенного периметра, везде часовые, сканеры тепловых полей, детекторы движения...

Полковник Доронин нахмурился, посмотрел на молодого коллегу, затем на дисплей: дрогл исчез из зоны видимости – изменив направление движения, скрылся за казармой.

– Ладно, старлей, хватит пустой болтовни! – приказал оперативный.

– Есть! – В душе у Мезенцева все запело. – Разрешите идти?

– Давай! Не забудь впустить Оорха, когда вернется.

– Есть! Отдам команду сержанту! Я сейчас с проверкой, обойду штаб... по-быстрому... чтоб, значит, все правильно было...

И он выскочил из рубки оперативного дежурного, пока

подполковник Доронин не придумал какое-нибудь глупое задание для подчиненного, не отвлек от главного.

А что главное? Конечно, пышногрудая красавица Мариночка, которая заждалась в медчасти, среди таких удобных коек!

– Слышь, сержант! – Мезенцев заговорщически подмигнул вахтенному у двери и приложил палец к губам. – Если оперативный будет меня спрашивать, скажи: ушел с проверкой по штабу! Но если вдруг припрет – быстро-быстро мотай в медчасть, найдешь меня там! Только никому ничего не говори! Просто мотай туда, пулей! Предупредишь! Все понял?!

Секунду-другую солдат молча взирал на старшего лейтенанта, а в его полусонных глазах жило непонимание. Потом взгляд стал более осмысленным, на губах бойца нарисовалась похотливая улыбочка.

– Прапорщик Ведищ...

Сержант не успел договорить – Мезенцев, сделав угрожающее лицо, поднес кулак к самым губам бойца, вынуждая заткнуться.

– Тихо! – прошипел старший лейтенант. – Услышит оперативный, я тебе трое суток «губы» выпишу! За нерадивое несение службы! Все понял?!

Улыбка исчезла с губ солдата. По глазам было понятно, что он думает об офицере, но сказать это вслух сержант не мог: «весовая категория» не позволяла. Приказы старших по

званию не обсуждаются, их следует выполнять, а уж потом, если возникнет желание, можно накропать рапорт командованию, обжаловать действия офицера.

– Вижу, что понял. – Мезенцев чуть расслабился, сверху вниз посмотрел на солдата. – Ну, коли понял, значит – молодец! Сиди тут и бди! Бди! Я скоро вернусь!

И старший лейтенант, опасливо покосившись в сторону рубки оперативного дежурного, торопливо зашагал к медчасти.

...Красавица-блондинка, которую сморило от долгого ожидания, прилегла на койку прямо в одежде. Мезенцев так и застал ее, переступив порог санитарного блока. Впрочем, он так долго ждал этой минуты, желание было так велико, что старший лейтенант даже не стал толком будить спящую, не стал тратить время на какие-то прелюдии и долгие «танцы» вокруг да около...

– Красотуля моя пышногрудая! – горячо прошептал он, не позволяя очнувшейся от полудремы девушке приподняться, что-либо сказать. – Детка, как я истосковался по тебе!!!

Он навалился на Марину сверху, дрожащими пальцами принялся расстегивать пуговицы на белой блузке. Жадно припал к губам девчонки, проводя горячими ладонями по бедрам, задирая короткий халатик вместе с мини-юбкой. От нетерпения не смог развязать тонкий поясок, чуть не сделал на нем узел и, уже не в силах контролировать себя, просто рванул белую ткань с плеч, укусил Марину в грудь.

Девушка вскрикнула от неожиданности, но старший лейтенант тут же зажал ей рот ладонью, не позволяя шуметь. Просунул колено между ног подружки, страстно целуя голые плечи, шею...

Когда старший лейтенант Мезенцев вошел в Марину, дрог Оорх корчился на земле в агонии, а из его шеи торчала обжигающая стальная стрела.

...Дрогл, вдруг появившийся неподалеку от места, где лежал убитый часовой, чуть не разрушил все планы фринов. Техники возились с нейтрализаторами детекторов движения, а коротышка объявился будто из-под земли, его запросто могли проглядеть – в силу того что ждали врагов высокого роста. Все же люди чуть ли не в два раза выше, а в ночи – когда смотришь против слепящих прожекторов – трудно заметить маленькую цель...

Один из наблюдателей, лежавший рядом с Мадэном, вдруг тронул командира за руку, указал на что-то крохотное, издали почти незаметное. Лидер группы спецназа напряг зрение, стараясь трансформировать зрачки так, чтобы отфильтровать мешавший блеск прожекторов. В отличие от людей фрины умели разделять световые потоки по длине волны, это, конечно, требовало серьезного напряжения глазных нервов, но помогало в критических ситуациях.

Дрогл! Едва включив внутренние фильтры, Мадэн разглядел опасного врага – тот медленно, очень осторожно прибли-

жался к колючей проволоке, еще точно не зная нужного места, но выбрав правильное направление.

Почувствовал, гад! Нет, не случайно в штабе призывали опасаться дроглов! Коротышки хоть и утратили многое, но все равно оставались ментатами и в чутье заметно превосходили людей, уповавших исключительно на технику.

Мадэн резко поднял вверх указательный палец, давая команду снайперу с арбалетом. Пользоваться молниеметами было нельзя, любое неосторожное телодвижение атакующих могло сорвать операцию. Гнома следовало ликвидировать тем же способом, которым умертвили человека.

Снайпер торопливо перезарядил арбалет, уже не успевая выбрать отравленную стрелу «под дрогла», поставил ту, которая рассчитана на людей. В этом, конечно, был определенный риск, но лучше допустить такой риск, чем позволить дроглу заметить мертвого часового и поднять тревогу.

Снайпер не промахнулся – стрела угодила точно в горло коротышке, но еще до того, как враг осел на землю, Мадэн вновь поднял руку вверх, энергично покрутил указательным пальцем в воздухе, сжал кулак. «Добить!» Проблема заключалась в том, что строение тела дроглов очень сильно отличается от людского, а снайпер с арбалетом был ориентирован на ликвидацию воинов другой расы и мгновенно перестроиться не смог.

Два солдата тут же поползли вперед, к «колючке», остальные, растянувшись цепью вдоль места будущего прорыва,

выдвинули стволы молниеметов, готовясь поддержать товарищей огнем.

В течение последней минуты перед атакой Мадэн не произнес ни слова, все команды отдавал молча, условными знаками. Там, где оказался один дрогл, могли найтись и другие. А у коротышек, как известно, слух развит гораздо лучше, нежели у людей. Когда имеешь дело с чертовыми гномами, лишний раз рисковать не следует.

Детекторы движения уже были обезврежены группой технической поддержки, и два ликвидатора, благополучно миновав «колючку», подобрались вплотную к дроглу. Тот барахтался на земле, пытаясь отползти, отодвинуться подальше от Смерти, которая приближалась к нему из болота. Конечно, на небольшом расстоянии ментат не мог не почувствовать ликвидаторов-фринов, что готовились убрать ненужного свидетеля.

Дрогл все чувствовал, все понимал, только мешала стрела, перебившая координационный центр. Из-за этой раны коротышка потерял способность управлять собственным телом, лишь хаотически дергал руками и ногами. У него даже лицо и уши шевелились, когда фрины подползли вплотную. Один навалился на жертву, заткнул рот, другой в два быстрых движения перерезал речевые центры, а уже после этого – добил раненого ударом в главный нервный узел, располагавшийся в нижней части груди.

Дрогл заметался, будто от дикой боли, впрочем, кричать

он уже не мог. Тело выгнулось дугой, судорожно дернулись взад-вперед большие уши, потом обмякли и они. Коротышка замер неподвижно, черты лица разгладились, губы и веки прекратили хаотические движения.

Выждав с минуту, один из ликвидаторов подал условный сигнал Мадэну, и группа спецназа медленно втянулась на территорию сонного лагеря, еще не подозревавшего, что в военный городок людей проникла Смерть.

Штаб. Самое важное, о чем должен думать командир отряда спецназа, оказавшись на территории базы противника. До его уничтожения ликвидаторы не станут делиться на группы охотников, гоняющих сонную дичь.

К штабу подобралась тихо и незаметно, опасаясь только дроглов. Фрины неплохо изучили психологию противника, отыскивали наилучшее время для атаки – такое, чтобы снизить вероятность активного организованного сопротивления. Три часа ночи по среднегалактическому времени. Перед рассветом проще всего обезглавить врага, воспользовавшись его естественной физической слабостью, потерей собранности, концентрации.

Когда пятеро бойцов ударной группы заняли позиции неподалеку от стальной двери, перекрывавшей доступ в святая святых людей, Мадэн поднял руку, призывая к вниманию. Затем посмотрел на солдата, вооруженного тяжелым энергоболом, сделал короткое движение ладонью в сторону преграды. И тут же поднял вверх сжатый кулак, напоминая

своим: добывать следует любого, хоть раненого, хоть прекратившего сопротивление.

Огненный клубок шаровой молнии, размером с теннисный мяч, вонзился в дверь, в районе электронных блокираторов, а затем взорвался со страшным грохотом – теперь не имело смысла таиться. Теперь все зависело от скорости действий. Только за счет внезапности атаки можно добиться желаемого результата.

Мадэн распахнул покореженную дверь мощным ударом сапога и тут же, не тратя ни секунды, расстрелял в упор очумевшего, сонного солдата, даже не попытавшегося воспользоваться лазером. Этот горе-войка перед смертью успел только раскрыть рот от удивления, выпучил глаза, а уже через мгновение с болезненным всхлипом дернулся назад к стене, сполз вниз со стула. Мозг жертвы умер быстрее, чем мышцы, непроизвольно среагировавшие на чудовищный удар током.

Командир спецназа фринов не задумывался о таких мелочах. Его солдаты вломились в штаб, растеклись в две стороны по коридорам: искали рубку дежурного. Требовалось как можно быстрее подавить сопротивление человека, от которого зависело все. Если б только вахтенный офицер успел передать в главный штаб сигнал тревоги, это перечеркнуло бы замысел нападавших.

Не успел. Подполковник Доронин, мирно кемаривший за дисплеями, сделал то же самое, что и сержант, дежуривший у входа в штаб: открыл рот и выпучил глаза от удивления.

Оперативного дежурного Саванга убивали в три ствола. Тело подполковника прошивали голубыми разрядами вновь и вновь, даже тогда, когда все мышцы мертвеца перестали реагировать на чудовищные залпы из молниеметов. Затем спецназовцы выскочили из рубки, и в пульт – один за другим – ударили два светящихся «теннисных мяча», со страшным грохотом превратив системы связи и оповещения в груды искореженного, обгоревшего металла.

Лишь после этого отряд фринов разделился на две части. Одна, возглавляемая Мадэном, отправилась наружу – добывать людей, очумевших со сна, бестолково метавшихся по гарнизону. Вторая группа осталась, чтобы навести порядок в штабе...

Уничтожив дежурного, следом с ходу разобрались с остатками караульного взвода – и с теми, кто не успел выскочить из комнаты отдыха, и с теми, кто оказался резвее, укрылся в дальних коридорах. Несколько бойцов попытались оказать сопротивление, но бестолково, неорганизованно – их подавили, не потеряв ни одного спецназовца...

– Кажется, там что-то грохнуло. Надо бы посмотреть... – Марина Ведищева хотела выскользнуть из-под старшего лейтенанта Мезенцева, но тот не позволил.

– Не отвлекайся! – хрипло приказал мужчина и еще плотнее прижал девушку к столу, куда перетащил ее во время любовных утех. – О-о-о!!!

Он стал двигаться резче, энергичнее, почувствовав, что

близок к финалу. В такую минуту никакой грохот где-то за плотно закрытой дверью не мог остановить разгоряченного мачо. Так ему казалось. И вдруг какая-то неведомая сила заставила оглянуться, посмотреть себе за спину.

От зрелища, представшего перед старшим лейтенантом Мезенцевым, у него в два счета пропало желание думать о Мариночке. И вообще о любой другой женщине. Того, что находилось на пороге, было вполне достаточно, чтобы завопить от ужаса и броситься прочь, сломя голову, не разбирая дороги.

В дверном проеме стояли двое *чужих* – таких, каких Мезенцев никогда не встречал. Бледно-зеленые черепа, огромные черные глаза с вертикальными зрачками, абсолютно неподвижные лица, военная форма, перепачканная болотной грязью, увешанная непонятным снаряжением.

Все это он разглядел за доли секунды. Если бы кто-то сказал Мезенцеву, что за пару мгновений человек может столько увидеть и переварить разумом, старший лейтенант ни за что бы не поверил.

Однако у помощника оперативного дежурного не было возможности что-то такое обсуждать с друзьями-приятелями. Он еще успел почувствовать: чужаки готовы стрелять в любую секунду – какие-то странные трубки были направлены на мужчину и женщину. Враги могли стрелять, но медлили – просто наблюдали за спариванием представителей иной расы. С интересом. Чуть брезгливо. Так, наверное, взрос-

лый, разное повидавший человек мог бы наблюдать за спариванием бездомных собачек, которые выставили напоказ свои интимные отношения и радостно исходят слюной...

Это Мезенцев успел почувствовать – так, словно был ментатом не хуже дроглов.

– А-а-а! – закричал старший лейтенант, отскакивая в сторону от Марины, пытаясь на ходу выдернуть лазер из кобуры.

И тут же перестал что-либо воспринимать. Две голубые молнии вонзились в его тело, швырнули назад, на стену. Третья, хоть и пригвоздила несчастного к переборке, была абсолютно лишней. Мезенцев умер и уже ничего не чувствовал.

– Не на-а-а-до! – дико закричала Ведищева, соскользнула со стола, забилась назад, в угол, потому что трубки, стрелявшие молниями, теперь были направлены на нее.

Марина потянула юбку вниз, расправляя ее на бедрах, попыталась прикрыть халатом грудь, словно это должно было спасти от страшных электроразрядов, но в ту ночь на Саванге не было места для чудес. Молнии прошли тело девушки, она повалилась на спину, лицо перекосила жуткая гримаса боли. Зрачки судорожно дернулись, ярко накрашенный рот открылся.

– Самка, – отметил один из фринов, убедившись, что последняя жертва в этой комнате мертва.

– В военной форме, – равнодушно добавил другой. – Сама выбрала путь, сама отвечает.

...Оставшиеся без управления солдаты метались между казармами, пытались укрыться на складах или добежать до болота, но везде их находили голубые молнии фринов. Охотники действовали организованно и расчетливо: после того как из строя вывели электрогенераторы, люди превратились в беспомощных младенцев. В темноте они ничего не видели: прожектора погасли, и теперь исход поединка мог быть только таким, какой изначально планировали фрины. Паники добавили несколько огненных «мячей», воткнувшись в казарму и склад, после чего одно здание развалилось на куски, а второе вспыхнуло так, словно было сделано из соломы.

– Всех! До последнего! – теперь не было необходимости соблюдать тишину, и Мадэн отдавал команды в полный голос, подстегивая ликвидаторов.

Нельзя останавливаться, пока жив хоть один человек.

...Бойня продолжалась несколько часов и затихла лишь тогда, когда над Савангом взошло светило. Дольше всего продержались расчеты нескольких кинетических орудий – просто потому, что они находились на дежурстве возле установок. Большинство солдат свободной смены умерли сразу, в первые минуты атаки, но жалкая горстка успела забиться в дальние глухие штольни. Этим упрямцев Мадэну и его бойцам пришлось выкуривать по одному. Обреченные люди уже никому не могли передать сигнал тревоги, возле орудий располагались только радиостанции ближнего радиуса действия, а центр связи и рубка оперативного дежурного давно

превратились в груды искореженного металла.

Покончив и с этой проблемой, Мадэн вызвал штаб флота, находившийся на флагманском корабле ударной группировки, передал условный сигнал. Теперь оставалось занять оборону и ждать, пока придут технические специалисты. А в это время боевые звездолеты совершат отвлекающий маневр...

...Эскадра фринов появилась на экранах радаров настолько внезапно, что в первую минуту операторы ПВО просто не поверили в реальность происходящего. Солдаты дежурной смены тупо пялились на запестревшие отметками дисплеи, а в головах у всех вертелась только одна мысль: «Чья это дурацкая шутка?!»

Корабли не могут появиться из ничего, точно так же, как не могут внезапно пропасть, – материя не превращается в пустоту, ну, разве что в результате мощного плазменного залпа...

А чужие звездолеты возникли именно так – из пустоты, на столь малом удалении от базы патрульных судов семнадцатой бригады, что поверить в материальность боевых кораблей никак не получалось. Однако компьютерные системы, не знающие слова шок, быстро убедились, что чужаки на сигналы опознавания не отвечают, а потому провели экспресс-анализ и на основе заложенных в память технических характеристик вынесли приговор: «Ударные крейсера фри-

нов. Усовершенствованная модификация старых «Торнадо LI».

И тут же тишина взорвалась – разлетелась на куски от рева сирен, от нервной, истеричной скороговорки операторов боевых информационных постов, от грохота сапог дежурных сержантов и прапорщиков.

Люди начали суматошно метаться по коридорам, звонить «наверх» – начальнику гарнизона и командиру бригады кораблей, докладывать обстановку. Будто кто-то теперь мог что-нибудь изменить...

Это потом, позднее, анализируя действия фринов с помощью компьютерного моделирования, штабные стратеги пришли к выводу: в момент приближения к базе патрульных судов противник использовал новейшие системы радиоэлектронной борьбы. Они не сумели полностью подавить широкодиапазонные помехоустойчивые локаторы ПВО, мощности не хватило, но позволили незаметно подобраться к цитадели, которую люди считали почти неуязвимой.

Однако выяснение деталей операции вторжения произошло много позже, а сейчас все в панике металось по штабу, по космодрому, под жуткий вой аварийных сирен, предупреждавших об атаке с воздуха. И фрины не заставили себя долго просить: огромные раскаленные шары посыпались с неба – на боевые корабли, на казармы и технические капониры, на головы потерявших рассудок солдат.

– Где?! Где зенитные батареи Саванга?! – страшно выпу-

чив глаза, орал командир семнадцатой бригады генерал-майор Соловьев, появившийся в штабе.

При этом он сильно тряс связиста, безуспешно вызывавшего Саванг, – так, словно солдат лично отвечал за молчавшие орудия прикрытия. Связист испуганно вжимал голову в плечи, но не из-за гнева начальства, просто страшные огненные шары врезались в поверхность Рапиды все ближе.

– Саванг! – ничего не видя и не слыша, вопил комбриг. – Срочно дай мне Саванг!!! Фрины атакуют со стороны Южного Креста! Почему Левенко пропустил их?! Где заслон?! Мне срочно нужен заслон! Дай на связь Левенко!!! Слышишь?!

Солдат энергично мотал головой, вновь и вновь вызывал планету первой линии защиты, но результат оставался тем же самым: Саванг молчал.

– Ч-черт! – осознав, что помощи ждать неоткуда, генерал-лейтенант бросился из штаба прочь – наружу, на космодром.

Целая вереница светящихся шаров вдруг протянулась с запада на восток. Казалось, невидимый исполин включил швейную машинку, которая с огромной скоростью пробивает материю иглой, не разбирая, что за куски ткани попадают под рабочий механизм.

Не куски ткани – звездолеты и радарные установки, казармы и коммуникации, солдаты и гражданские, случайно оказавшиеся в зоне вероломной атаки фринов. Командир бригады еще успел заметить, как накренился и стал медленно

заваливаться набок один из тяжелых крейсеров. Потом все исчезло в клубах пыли, воздух стал серым и горячим, на зубах закрипел песок. «Вашу мать!» – хотел ругнуться Соловьев, но только жутко закашлялся. В сумрачной пелене он не понимал, куда бежать, не мог отдавать команды подчиненным. Он просто ничего не видел, словно остался здесь, среди исполинских воронок, сухой земли и песка, совсем один.

Земля дрогнула в сотне метров от генерал-майора Соловьева, а может, и ближе. Огненный шар разорвался со страшным грохотом, офицера подбросило в воздух, швырнуло куда-то в сторону, в клубящуюся пыль.

Командир бригады патрульных судов хотел выставить руки, защитить хотя бы голову, но в этой серой мути было совершенно непонятно, куда его бросило взрывной волной, с какой стороны ждать беды. Генерал-майор ударился лбом обо что-то твердое и потерял сознание.

...Когда пришел в себя, сразу почувствовал – воздух стал другим. Пыли в нем больше не было, дышалось легко, не так, как раньше, когда ноздри и легкие засасывали сухую песчаную взвесь, из-за которой жутко хотелось кашлять.

– Кажется, уходят... – негромко пробормотал кто-то.

– Не сглазь... – нервно отозвался другой человек.

Генерал-майор Соловьев открыл глаза, но тут же опустил веки, сразу поняв, что поторопился. Все вокруг стало кружиться с такой жуткой скоростью, что невозможно было ни разглядеть говоривших, ни понять, где он сам находится.

– Вашу мать... – пробормотал командир бригады, пытаясь усилием воли подавить приступ тошноты.

– Лежите, лежите, господин генерал-майор! – затараторил солдат. – Вам пока нельзя подниматься. Сейчас доктор подойдет, он на минутку отлучился в другой блок...

Генерал-майор с трудом поднял руку, не открывая глаз, попытался ощупать собственный лоб, странно горевший, только пальцы никак не могли добраться до нужной точки. Боец, сидевший возле пострадавшего офицера, понял, что хочет сделать Соловьев, помог ему – дотасил ладонь до головы.

– Тут у вас жуткий рубец, – пояснил солдат. – О вертикальную железную балку долбанулись, господин комбриг! Слава богу, черепная коробка выдержала...

Соловьев заскрипел зубами от злости. Генерал-майор искренне страдал не только потому, что получил травму, а из-за того, как дешево их уделали фрины. Конечно, никто не ждал внезапного и подлого нападения на закрытую военную базу, тем более что передовой заслон Саванга обязан был остановить врага. Или хотя бы предупредить семнадцатую бригаду об опасности...

Этого не произошло, фрины сумели не только проскользнуть мимо зенитных батарей Саванга, но и внезапно ударили по Рапиде. А бригада, находившаяся в точке постоянного базирования и не ждавшая атаки, не успела мобилизоваться, выйти в космос, чтобы достойно ответить противнику...

– Посторонись! – комбриг услышал чей-то властный голос, кажется, знакомый, но теперь голова работала настолько плохо, что Соловьев не смог разобраться.

Попробовал открыть глаза, но стало еще хуже, чем в первый раз, – вдруг почудилось, что он проваливается в какую-то бездонную яму. Да не просто проваливается, а рывками, от чего руки и ноги непроизвольно задергались, по всему телу выступил холодный пот. Генерал-майор не удержался, слабо застонал.

– Господин комбриг! Капитан Астахов, третья санитарная рота! Сейчас окажу вам помощь, станет полегче...

Соловьев почувствовал, как игла впилась в вену.

– Очень много раненых, – продолжал капитан-медик. – Про убитых не говорю... Хорошо, что солдаты наткнулись на вас в этой жуткой пыли на космодроме, а то бы...

– Капитан, – перебил Соловьев, чувствуя, как приступ предательской слабости отступает. – Капитан, что с нашими кораблями? Что с ударными кораблями семнадцатой бригады?

Пол под комбригом несколько раз сильно вздрогнул – лежавший на спине офицер почувствовал это.

– Возвращаются... – со страхом пробормотал один из солдат. – Не ушли, гады! Новая атака...

И вновь сильные толчки. Откуда-то сверху посыпалась пыль.

– Где мы? – не рискуя открывать глаза, спросил Соловьев.

– В бомбоубежище, господин комбриг! – радостно отозвался кто-то. – Слава богу, тут не достанут!

– Тьфу, трепач хренов! – собеседник болтливого солдата набросился на товарища. – Молчи, сглазишь!!! Не ровен час, достанут!

Земля над головой вздрогнула еще раз, потом еще и еще. Видимо, фрины продолжали наносить точечные удары по объектам на поверхности. Из стыков бетонных плит на людей посыпалась мелкая пыль.

– Капитан! – Генерал-майор Соловьев нетерпеливо махнул рукой, словно этим жестом хотел дать понять офицеру-медику, что сильно недоволен его молчанием. – Капитан, мне нужен четкий доклад! Что с нашими кораблями?!

– Уничтожены, господин комбриг, – тяжело вздохнув, ответил Астахов. – Уничтожены фринами. По-моему, никто не успел стартовать. Все, что находилось на космодроме, превратилось в пепел, в лужи расплавленного металла.

– Что за оружие используют фрины? В первую войну у них такого не было...

Капитан Астахов недоуменно пожал плечами, посмотрел на солдат, сидевших подле командира.

– Не знаю, господин генерал-майор, – не дождавшись поддержки, отозвался он. – Это очень похоже на большие шаровые молнии. Они падают с неба, как огненные клубки. А потом взрываются почище, чем любая бомба. Все в пепел, в прах...

Генерал-майор Соловьев резко открыл глаза, посмотрел вокруг себя. Теперь, когда подействовало лекарство, введенное в вену, он чувствовал себя чуть получше. Комбриг, опираясь дрожащими ладонями на пол, приподнялся, прислонился спиной к стене.

– Отставить! – приказал он солдатам, поспешившим на помощь, а сам обвел взором тех, кто находился в бомбоубежище. – Это все, кто уцелел? – угрюмо уточнил Соловьев.

В помещении, освещавшемся несколькими переносными фонарями, сидело полтора-два десятка человек, не больше.

– В соседнем блоке – тяжелые раненые, – ответил капитан Астахов. – Мы сосредоточили там людей, нуждавшихся в экстренной медицинской помощи. Здесь те, кто не пострадал. Или пострадал незначительно.

– А корабли уничтожены? Все? – переспросил командир бригады, не в силах поверить, что от его мощных красавцев, еще недавно составлявших гордость флота, ничего не осталось.

В это время бетонные своды над головами людей дрогнули три раза подряд. Генерал-майор Соловьев и капитан Астахов посмотрели на потолок, откуда сочилась пыль, потом друг на друга. Все было понятно без слов. Фрины добивали цели, которые еще оставались на поверхности Рапиды.

– Думаю, там нет ни одного нашего корабля... – тоскливо произнес медик.

Словно поставил окончательный диагноз безнадежному

больному. Все притихли. Земная твердь вздрогнула еще раз.

– Астахов, – опершись затылком на стену, позвал комбриг. – Забудь пока о раненых, это приказ! Обследуй другие убежища, найди мне одного живого радиста со станцией дальней связи! Слышишь?! Сейчас главная задача – оповестить генеральный штаб флота! Иначе раненые и убитые будут не только здесь, на Рапиде. Много раненых и убитых! И не только среди военных! Пострадают гражданские! Все понял?

– Так точно! – Астахов даже мотнул головой в знак согласия.

– Действуй! – комбриг опустил веки.

Несмотря на лекарство, полутемное помещение все равно кружилось перед глазами. С тошнотой было очень трудно бороться, но Соловьев понимал, что это полная ерунда по сравнению с тем, что могло случиться уже в ближайшие часы.

Фрины пробили брешь в обороне: нашли способ, как миновать зенитные батареи Саванга, уничтожили семнадцатую бригаду патрульных судов-истребителей. По сути, это открывало коридор со стороны Южного Креста. Коридор для входа в жизненные зоны, освоенные человечеством...

– Господин генерал-майор! – Соловьев очнулся оттого, что кто-то потряс его за плечо. Командир семнадцатой бригады понял, что на какое-то время вырубился – провалился в черную яму, то ли из-за сотрясения мозга, то ли из-за

введенного лекарства. – Господин генерал-майор! Сержант Райхнард явился по вашему приказанию! Докладываю: получены сигналы SOS с двух планет дроглов! Союзники просят о помощи, их атакуют боевые звездолеты фринов!

– К черту сигналы о помощи, сержант! – стряхивая оценку и непонятную вялость, вымолвил командир бригады. – Срочно дай мне связь со штабом флота! Как хочешь крутись, хоть сам вылезай на поверхность и ставь направленную антенну, но мне нужен канал со штабом флота!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.